

Священник
Тимофей Алферов

АПОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОЙ ВЕРЫ

Тимофей Алферов
Апология церковной веры

«Издательство «Перо»

2018

УДК 23/28
ББК 86.372

Алферов Т.

Апология церковной веры / Т. Алферов — «Издательство
«Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-225-5

Почему Бог Библии выглядит порой столь непривлекательно? Почему церковь учит о нем не всегда по его же писанию? Может ли добрый Бог иметь горящий вечный огонь для грешников у себя на заднем дворе? Наверняка вы слышали или сами задавали такие вопросы. Автор ряда работ по христианской апологетике предлагает свои ответы. Книга родилась в живом общении, как личном, так и виртуальном, отражает мнения и сомнения живых людей, наших современников. Подробнее с автором и его работами можно ознакомиться на сайте: www.evanorthodox.ru

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-00122-225-5

© Алферов Т., 2018
© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Апология церковной веры	5
Предисловие	5
Глава 1	6
Вариант пантеизма и материализма	7
Проклятые вопросы	9
Глава 2	12
Я и не Я	12
Желательная сторона	13
Завел часы и ушел	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Священник Тимофей Алферов

Апология церковной веры

Апология церковной веры

Предисловие

В добрые старые советские времена, когда крах капитализма был неизбежен, а в советской стране не было секса, в той далекой сказке жили-были люди только двух сортов: неверующие, которых большинство, и верующие, которые скоро должны были вымереть или перевоспитаться. Когда сказка кончилась, капитализм и секс пришли, куда надо и не надо, оказалось, что и верующих очень много разных сортов, и неверующих тоже. Религиозная область заблестала своей цветущей сложностью. Оказалось, что она очень не проста. Во-первых, нашлось много разновидностей религиозной практики, во-вторых, блеснуло разнообразием и обилием около-религиозных мировоззрений.

Постараемся рассмотреть здесь те вопросы, которые ставят и решают люди, не принимающие христианскую веру и историческую христианскую церковь. Вопросы эти ставились автору в прямом и порой напряженном диалоге. Уровень дискуссии далеко перерастал, как атеистическую литературу прошлого, так и христианскую апологетику времен социалистической сказки. Новое время требует от христиан и новых усилий по защите и отстаиванию своей веры.

Но нужна ли вообще вере защита с позиции разума? Ведь есть немало людей, которые привыкли разносить в разные стороны веру и знание, науку и религию и даже не желают искать между ними точки пересечения. Да еще и приводят себе в оправдание топором обрубленную цитату из Тертуллиана: «верую, потому что абсурдно». В оригинале, у древнего христианского автора эта цитата не звучит апологией абсурда. Смысл ее в том, что в мире, один раз за его историю, может произойти какое-то чудо, абсурдное с точки зрения неверующих людей. Например, рождение от Девы, воплощение Бога или его смерть и воскресение. И такие положения принимаются верою. Вот мысль автора, верная и не глупая. Но для веры в какие-то чудесные события или идеи должны быть весьма серьезные основания. Допуская возможность каких-то чудесных, необъяснимых событий, человек все-таки должен избегать обманов и мистификаций. Всякий из нас имеет право столь же афористично парировать цитирующих Тертуллиана:

– Но не всякому абсурду верю!

Для тех, кто с этим согласен, и предлагается все дальнейшее наше изложение.

Глава 1

Вера и знание

Само слово «апология», внесенное в заглавие книги, предполагает обращение к доводам разума в защиту христианской веры. Однако соотношение между верой и разумом остается весьма сложным. Мы живем и продолжаем жить в том мире, о котором знаем очень мало. Особенно о главных основаниях нашей жизни: откуда мы взялись и зачем? И уместен ли здесь вообще вопрос: зачем? Множество положений по ходу нашего дальнейшего изложения так и останутся в мире неведомого. На множество вопросов не будет ответа: **знаю**. Волей-неволей прозвучит ответ: **верю**.

В области религии вере принадлежит решительное господство. Верую мы принимаем гораздо больше положений, чем определенно можем понять разумом. И, казалось бы, осознав этот факт, верующий обретает в нем повод к унынию. Но это преждевременно. Атеист знает столько же, объем совокупного человеческого знания является общим, особенно в век Интернета, и атеист, со своей стороны, точно так же стоит на громадном объеме веры. У него те же самые вопросы, где знание отсутствует, а ответ дается верою. Просто у атеиста другие ответы на те же самые вопросы.

С самого начала было бы целесообразно очертить примерно круг того, что мы о нашем мире знаем. Где кончаются силы нашего разума, и где начинается область веры. В этой области мы вынуждены строить предположения. Эти предположения могут быть более или менее разумными. Но разрешить их с помощью знания уже невозможно.

Итак, мы знаем, что разум у нас есть. Мы все-таки мыслим, причем абстрактно, следовательно, существуем, как люди, а не как животно-растительные организмы. Разум позволяет нам приблизительно познавать окружающий мир. Реальный окружающий мир. Реально его познавать, хотя и не точно. Это самое первое наше знание. Если и это не есть знание, если мы неразумны, если мы познаем только собственные иллюзии, или нет вокруг нас реального мира, то разговор заканчивается уже здесь. Не веря в реальность своего разума, или веря в его иллюзорность, мы отказываемся от того, что отличает нас, как людей. Очевидно, в эту область идти нет смысла.

А если наш разум существует, и окружающий мир он способен понять, то в область нашего знания должен быть включен тот факт, что наш мир устроен очень разумно. Причем в целом разумность мира соответствует разумности нашего разума. Наша математика, зачастую опережающая физику и кажущаяся нам только игрой воображения, как оказывается дальше по ходу развития науки, вполне применима к описанию окружающего нас мира. Хотя, конечно, тоже приблизительно. Наша вселенная оказывается построенной «математично». В ней действуют универсальные законы, четко согласованные друг с другом. Мир подобран по фундаментальным постоянным очень точно. Он настроен одним Разумом, много высшим человеческого, но этот Сверхразум вполне адекватен нашему малому разуму. Законы мышления у Инженера мира и у нашего инженера – одни и те же! Это одна и та же математика. Просто человек познал математику слабее, чем тот, кто ее создал. И это неудивительно, так и должно быть. Написавший на нашем мире целый учебник математики, конечно, знает предмет лучше любых своих учеников.

Законы природы универсальны. Строительные кирпичики нашего мира – атомные, субатомные частицы, тоже одинаковы повсюду. Конечно, мы не можем знать о границах нашей Вселенной, мы не можем измерить заряд электрона в другой галактике прямым опытом. Но все наблюдаемое в космосе говорит о том, что законы природы во всей вселенной одинаковы. Физика и химия в этой вселенной одна. Кроме того, и вся жизнь на нашей планете устроена на основе одних и тех же живых строительных молекул. Генетический код жизни, точнее, алфавит

и синтаксис генетической информации, один. Один язык наследственности, если уж совсем просто сказать. На уровне молекул от вируса до человека все живое едино – и в частности по этой причине существует круговорот биологической материи на земле. Грубо говоря: хищники едят червей, черви разлагают трупы хищников. Планета не завалена умершими останками растений и животных – по этой самой причине. Из этого должен вытекать единственный и очевидный вывод: биология земли сделана одним Разумом, причем тот же разум создал и основу для нее во всей вселенной.

Еще одно научное знание стало достаточно убедительным и достоверным в XX веке. Наш мир не является вечным, он однажды возник и не рассчитан на вечное существование. Похоже, сейчас в этом никто уже не сомневается. Возможно, было время, когда нашей вселенной не было. Вероятнее, впрочем, что само время возникло вместе с нашим миром.

Один разум и один план одного таинственного Математика создали в этом мире его физику на основе математики, химию на основе физики, биологию на основе химии. На верхушке как-то оказался человек, способный понять изначальную математику этого мира. И круг замкнулся.

Один разум и один план – это на нашем сегодняшнем уровне науки уже знание.

Вариант пантеизма и материализма

Но не спешите. Это не значит, что мы доказали бытие библейского Творца, бытие Того Бога, как Он представлен в Библии. До этого еще очень далеко. Забегая вперед, скажем, что Библейский Бог-Творец – это предмет веры, а не знания. И по этой причине никому не удастся дать исчерпывающее доказательство Библейского Бога; ряд апологетических работ в Его защиту растет параллельно ряду работ, опровергающих Его, и такая картина сохранится, видимо, надолго.

Пока перед нами только разумно устроенный наш мир. Но не решена (и вряд ли разрешима наукой) еще куча вопросов. И они не скрыты от людей, эти вопросы часто ставятся и озвучиваются.

Может быть, разумность устройства природы в ней самой? Пантеисты и, возможно, некоторые атеисты именно так и считают. Поэтому свою богиню Природу пишут с большой буквы. С их точки зрения Природа разумна сама в себе. Нет стороннего источника разума по отношению к этой Природе. Нет личного носителя разума, кроме ограниченного в своем знании человека. Нет такой концентрации разума в одном «объекте» или «субъекте», который обладал бы всем знанием о мире. Природа – богиня собирательная, персонифицировать ее нельзя (следовательно, и помолиться ей невозможно), но она рассредоточена в мириадах объектов, хранящих общую разумность.

Есть такая точка зрения. Материализм в чистом виде и похожий на него пантеизм. Знание ли это? Нет, это тоже свое религиозное убеждение, своя вера.

Можно ли эту веру прямо опровергнуть, неким «ударом в лоб», применив достоверное знание? Едва ли. Мы уже вышли за границу знания в область веры.

Есть косвенная проверка справедливости такого воззрения. Это проверка мира на динамику. Мир развивается, он меняется. Если стороннего, трансцендентного разума нет, если весь разум природы в ней самой (имманентен), то такой природный разум должен напоминать самоустанавливающуюся программу, которая разворачивает сама себя, не нуждаясь в сторонней причине. Это вроде как подключить модем или принтер к компьютеру, а дальше он уже сам себя распакует и установит.

Саморазворачиваемость мира – вот было бы неплохое свидетельство в пользу материализма и пантеизма. Разворачивать – по-латыни значит эволюционировать. Эволюция – саморазвертывание. Если это свойство природного разума, то это было бы серьезным свиде-

тельством против наличия у мира стороннего Творца. Поэтому, конечно, за идею эволюции материалисты стоят насмерть. Иными словами, в неживой природе должны быть заложены такие невидимые, скрытые возможности, которые при любых благоприятных условиях заставляли бы материю усложняться и прогрессивно развиваться ко все более и более развитым, структурированным формам, от неживого – к живому, от простого живого – к более сложному, наконец к человеку, существу, наделенному разумом. Человек в картинке восходящего мироздания является первым существом, способным понять основы мироздания, провести этим своим познанием некую обратную связь ко всем этажам материи. А, следовательно, он становится таким существом, которое (теоретически) может собрать воедино и персонифицировать весь рассеянный разум Природы. А значит, он получает власть над этой богиней, ибо, как привык он говорить, восхваляя сам себя: **знание – сила**. Высшим богом становится сам человек, властитель, покоритель природы и т. д.

И все это возможно, если разум Природы включает такую штуку, как эволюция, причем всеобщая, восходящая, прогрессивная. А если нет?

Так вот, вторая часть нашего знания об окружающем мире сводится к тому, что у веры в эволюцию существуют очень серьезные проблемы. Решительным и прямым доказательством эволюции могло бы служить только прямое наблюдение. Нужен наблюдатель, который видел бы возникновение жизни на земле, как бы она ни возникла и способный понятно нам донести свои наблюдения. Поскольку такого наблюдателя, очевидно, не существует, то и вопрос эволюции ни положительно, ни отрицательно не решится никогда. Извините, наша наука не видела ничего, что происходило здесь даже пару тысяч лет назад, не говоря о больших сроках.

И все-таки, наш мир гармонично включает в себя законы термодинамики, которые вместе как будто не разрешают материи усложняться и структурировать себя саму. Между тем простейшая живая клетка настолько сложна, что даже очень высокий человеческий разум, наделенный неплохой нанотехнологией, до сих пор не в силах создать даже крохотный фрагмент живой клетки совсем из неживой материи. При этом единицей жизни считают клетку, а не вирус. Только клетка способна к самовоспроизведению. Но при этом упускают из внимания, что первая и единственная клетка, которая каким-то образом возникнет, обречена в окружающем ее мертвом мире на немедленную смерть. Более того, практически все многоклеточные организмы связаны многочисленными симбиотическими связями с микроорганизмами. В человеке живут сотни видов разных необходимых ему бактерий, без которых он не сможет жить. И любой человек, накачанный хоть раз антибиотиками, это прекрасно знает на опыте. Создавая жизнь, нужно одновременно создать, как минимум, массу разных клеток, способных взаимодействовать друг с другом по принципу пищевых сетей. Чтобы, грубо говоря, одни амебы поедали других. А создать одновременно множество живых организмов в их взаимной связи – это еще менее вероятно, чем создать только один.

Рассуждая аналогично, можно прийти к выводу, что единицей жизни, способной к воспроизведению, является не одна клетка, а некая совокупность организмов, своего рода биоценоз, или «биосфера в миниатюре». И каков ее минимальный размер – сложно даже себе представить. Еще сложнее представить, как в нашем мире, где структуры стремятся к разрушению, любой порядок стремится к хаосу, где сама собой не возникает ни информация, ни структура, – как в этом мире может возникнуть сама собой столь **огромная** минимальная «единица жизни».

Но даже и возникнув раз по каким-то непонятным законам, эта единица жизни, эта «минимальная биосфера» вовсе не проявляет, как видим, стремления усложнять себя и развиваться. Против эволюции живой природы существует множество научных данных, которые здесь рассмотреть нет возможности. Есть, впрочем, и такие факты, которые допускают истолкование в рамках эволюционной модели.

Помимо этого, нельзя считать однозначно решенным вопрос и о возрасте самой земли, на которой протекает жизнь, о возрасте слагающих землю пород и о путях их возникновения. Главнейших проблем здесь две. Первая: океан за сотни миллионов лет должен стать насыщенным раствором (имеются серьезные расчеты накопления солей в океане). Вторая проблема связана с эрозией континентов и отдельных их участков. Грубо сказать: реки слизывают свои берега. И темп этой эрозии можно наблюдать. Он тоже говорит достаточно ясно и однозначно о том, что на планете не может быть мягких пород в бассейнах тех рек, которым можно было бы присвоить возраст даже в десятки миллионов лет. Все это ставит под сомнение традиционный в науке возраст жизни на земле. Это не 500 миллионов лет, а, как минимум, в десятки раз меньше. За такие сроки никакая предполагаемая эволюция живого не способна решить задачу превращения амебы в человека.

Короче, как минимум, эволюция не является однозначно доказанным процессом в природе, она ни разу не наблюдалась прямо, на живых объектах, и имеет немало проблем, как научная теория. А скорее всего, она просто невозможна, и никогда не протекала на земле.

Итак, перед нами новый вопрос веры. Одни верят в эволюцию, другие – в ее отсутствие. Свидетельства и косвенные доказательства приводят обе стороны, но на наш взгляд, эволюция скорее невозможна, чем возможна. И очень маловероятно, что, даже если она возможна, то она является таким универсальным процессом, который сформировал все разнообразие жизни на земле.

Но что это значит, для нас?

Это означает еще один разрыв в теории самопроизвольного усложнения материи. Живая клетка не могла возникнуть самопроизвольно, по законам мертвой природы. Теперь оказывается и возникшая как-то жизнь вряд ли могла усложняться, и в итоге из амебы вряд ли мог появиться человек. Но есть еще и иные точки разрыва теории непрерывного восхождения от протона к человеку. Один из них – это исчезающе малая вероятность возникновения солнечной системы с планетой, приспособленной под жизнь, расположенной и вращающейся строго там, где надо и как надо, и содержащей точный химический состав, атмосферы, земной коры и мантии. Все эти параметры на земле настроены удивительно точно и согласованно.

Все в совокупности это больше похоже на чудесно тонкую работу инженера, художника, архитектора **со стороны.**

Проклятые вопросы

Где-то здесь наше знание по большому счету кончается. Во-первых, наш мир разумен – это очевидно. Во-вторых, он имел начало, не существовал в прошлом бесконечно долго. В-третьих, его способность к самопроизвольному развитию, исходя из его внутренних законов, как минимум, крайне сомнительна. Вот, кажется и все, что мы о нашем мире знаем. Остальное не более чем подробности того, как мир устроен сейчас, как он функционирует. Для выведения двух сформулированных только что выводов потребовался огромный массив проанализированных фактов. Но никакие научные данные при этом не входят в область религиозных вопросов. Постараемся их кратко сформулировать, причем поближе к тому, как эти вопросы ставят противники библейского Бога. Допустим, что мы уже добрались до убеждения, что у мира нашего есть сторонний, разумный Источник. Хотя даже это предмет веры в большей мере, чем предмет знания. Но и после этого остаются следующие вопросы.

Является ли сотворивший нас Разум личностным началом? Или, может быть, мы творим бога по своему образу и подобию, перенося на него свои черты личности? Вполне ли разумен и непротиворечив его замысел, в который включена смерть? Жизнь находится в круговороте, она уравновешена со смертью – хорош ли такой замысел?

А может быть, Верховный Разум не есть тогда творец нашего мира? Может быть, наш мир создан разумом, высшим человеческого, но все-таки не совершенным, не абсолютным, даже не добрым?

И участвует ли Создатель в жизни этого мира сегодня? Может быть, создав мир, Творец устранился от него, заложив только мертвые и бездушные законы бытия?

И если даже Творец у мира есть, Он добр и разумен, Он обладает атрибутами Личности, то почему в его мире все друг друга едят, даже люди? Откуда такой мифологически наивный сюжет возникновения в этом мире греха и зла, как изложен в Книге Бытия? Разве все зло в мире происходит только от человеческого греха?

Правильно ли Библия описывает нам портрет Бога? Далеко не всем людям этот портрет симпатичен. Если Бог добр, не мог ли Он в Библии представиться как-то получше, более высоким, неизменным, не столь мстительным, не выбирающим любимые народы?

Этими вопросами мы дальше и займемся, но пока отметим, что ни один из них не решается научным путем. Наше знание здесь совершенно бессильно. Мы уходим в область веры. Каждому хочется, чтобы его вера была разумной, но мало этого, хочется, чтобы она и «душу грела». А разум и душа у всех очень разные. Соответственно, разными будут и оценки того, какой именно из ответов на любой из этих вопросов может считаться разумным и «греющим душу».

В самой жуткой форме ставятся главные религиозные вопросы – о вечности, о посмертном человеческом бытии. Именно эти вопросы по праву заслужили громкое название проклятых. Это вопросы цели. Еще одно важнейшее наше знание, единственно достоверное наше знание, которое мы не успели вывести на среду, придерживая до этого момента изложения. Это знание о том, что на земле мы не пребудем вечно. Если я – это только тело с рефлексамми, а тело – только мешок с органами, то какой смысл в религии? Какой смысл и в жизни? Прожить земную жизнь можно и чисто биологической жизнью, без религии. Только и это – зачем? Разум, имеющий представления о вечности и бесконечности, сам ограничен и временен? Сгинет без следа – и ничего не останется? Тогда зачем он?

А с другой стороны, того же человека пугает и вечная перспектива. Что там? Мы привыкли напевать: «Вечный покой сердце вряд ли обрадует»... Неужели там – вечное подобие земной жизни, которая успела надоесть уже здесь и сейчас?

Страшное заячье наше существование: и жить, как есть, не хочется, и умирать страшно. Кстати, заметим, что никакая религия от этого не спасает, не снимает автоматически проклятых вопросов. Эти вопросы пугают и давят глубоко верующих людей, подобных Иову и его друзьям.

Недавно проведенный опрос ВЦИОМ показал, что лишь треть россиян верят в какое-то посмертное бытие, причем, в переселение душ – 5 %, в рай и ад – 7 %. Остальные 20 %, признающих за гробом хотя бы что-нибудь, теряются в догадках относительно всего этого. (Все проценты исчислены здесь от ста процентов опрошенных). Верующие в рай и ад – это и мусульмане, и любые сектанты, и возможно, еще кто-нибудь. Короче говоря, очень немного в России людей, готовых верить в то, что уготовал Библейский Бог верующим в Него. Мало того, что человеку трудно верить в любящего Бога, имеющего на заднем дворе ад, это само собой понятно. Но еще хуже то, что вечный покой библейского Бога почему-то совсем не радует человеческие сердца.

Это человек позапрошлого века *рад бы в рай, да грехи не пуцают*. Современный человек и от грехов бы, может быть, как-то отпутался, – да в рай-то не очень хочет, не слишком будет там рад! Вот в чем настоящая проблема сегодняшнего дня.

Кстати, приведенные цифры неплохо бы сопоставить с результатами подобных же опросов относительно веры в Бога и причисления людьми себя к определенным конфессиям. Так себя считают православными в той же современной России не менее половины опрошенных,

очень значителен процент других христианских исповеданий, а также мусульман. Незначителен процент идейных атеистов. Казалось бы, верующих много. Процент регулярно читающих молитвы и приступающих к религиозным обрядам и таинствам всех конфессий – этот процент далеко и широко перекрывает те семь жалких процентиков, которые веруют в рай и ад, у которых религия направлена на вечность. Явление интересное и наводящее на грустные мысли: религия существует, как некая общественная идеология, как сборник нормативов поведения, как основа культуры и традиции, – то есть всецело для земли и земного. Но ведь, если на минуту забыть о процентах и спросить любого человека: где же должна быть цель религиозной веры и деятельности? неужели не на небесах? – пожалуй, всякий признает, что «религия давалась ради небес». С таким внутренним раздвоением у большинства верующих, пожалуй, сложно говорить о духовном подъеме в нашем обществе. Можно говорить о религиозном подъеме, который, с социальной и государственной точки зрения, скорее хорош, чем плох. Но о духовном подъеме, в прямом смысле этого слова, говорить не приходится. Процент тайных верующих времен советской сказки, возможно, удвоился или вырос в полтора раза. Но должно честно и четко признать существующую цифру в семь процентов, и пока ни о чем большем не мечтать.

Ведь наша книжка и пишется, скорее, для этих семи процентов, чтобы им помочь сохранить свою веру. Ведь они и без нас сталкиваются в жизни с обозначенными нами выше вопросами, поставленными неверующими и не слишком доброжелательными к вере людьми.

Пока же видим, что место нашей веры в основах нашего мировоззрения очень велико. Поле нашей веры на порядок-два шире, чем поле нашего знания. Знаем мы гораздо меньше, чем то, во что мы верим.

И здесь-то мы найдем первое и неожиданное подтверждение христианской доктрине. Так и должно быть в том мире, где Бог дал внутреннюю свободу сотворенному человеку. Так и должно быть в мире, где человек не может представить Богу свои свершения и получить за них награду, где единственное, что мог бы Бог взять с человека, за что отметить его – это вера. Мне доводилось читать книжку одного апологета под таким наивным названием: «Зачем верить? Бог есть!», где речь шла о разумном замысле в природе. Уже и наших прочитанных страниц, пожалуй, достаточно, чтобы показать: верить очень даже есть зачем! Разумный замысел не дает ответ на все вышеперечисленные вопросы, которые ставит нам жизнь. Жизненные скорби, порой пытаются и режут тот наш невидимый «орган ума и сердца», где рождается и живет наша вера, и проклятые вопросы встают перед верующим человеком снова и снова во всей их беспощадности. Эти вопросы достаточно абстрактны, но к каждому верующему сердцу они имеют самое прямое, жизненное отношение. Притом еще мы не добрались даже до еще более злых и противных вопросов, обращенных к Иисусу Христу и к Его Церкви. Это еще впереди. Мир мысли и помыслов, не покоряющихся Богу и Христу Его, этот мир обширен, он всегда оказывается шире, чем мы думаем. Двинемся же в него бодрыми стопами.

Глава 2

Разумный, добрый, единственный

Я и не Я

Итак, мы признали над миром существование разумного источника.

Но является ли Он существом, которое нас слышит, и к которому есть смысл обращаться? Может ли Он о себе самом сказать: Я, отличая его от всякого «не я»? Помимо разума есть ли у Него желания? Хочет ли Он что-нибудь и от кого?

Здесь, конечно, не может быть однозначного и научно доказанного ответа. Это область веры. Мы скажем: да, наши оппоненты скажут: нет, но каждый должен сказать при этом честно: мы так веруем.

Однако и в области веры должны быть какие-то разумные основания. В старичка-на-облачке и в розового слоника верить все-таки явно неразумно, хотя и про них никто не может представить исчерпывающего опровергающего доказательства, что таких персонажей не существует.

Итак, разумное обоснование нашей веры (хотя и не научное!) вытекает из принципа причинности. Этот принцип гласит, что чего-то совсем уж беспричинного не бывает, всякое явление или вещь имеет задатки в своей причине.

Мы видели, что наш разум в каком-то смысле конгениален Разуму Создателя. Он заложил математику в мир – мы способны ее отчасти понять. И это не иллюзия. Так и должно быть, если и нашему разуму причиной служит Он Сам. Тогда понятно, что принципы нашего разума Он подобрал под свои собственные.

Но в нас разум еще и персонифицирован. Наш разум не сразу занимается математикой. Сначала ребенок научится отличать себя от мамы, от других людей, от кошки, от игрушек. Сначала у ребенка появляется разделение «я – не я», потом входит всякое прочее знание. И в дальнейшем мы ничего не узнаем о мире иначе, как персонифицированным разумом. Любое новое учение или сведение понятно или непонятно лично мне. В том числе и Бог неведом лишь относительно нас, а не сам в себе – самого себя, вероятно, Он знает. А для нас любое знание субъективно, оно до какой-то степени мерится нашей личностью. Наш разум «работает» в личностном режиме. Газы в своем животе и сухость во рту мы познаем не так, как написано в учебнике или как нам объяснили. Любая информация, которую мы узнаем, касается нас или не касается, ни одна не существует вне этого личностного измерения.

Тогда почему бы не допустить, что и наш Творец тоже отличает свое Я от «не Я»? Иначе как бы Он смог научить этому нас? Ведь наш разум Его Разуму конгениален. Если Он не личностен, то попробуйте тогда отличить его от прочей, как бы им сотворенной природы? Во всяком случае, не личностный Творец не отличит себя от своего творения, и, следовательно, будет зависим от него. В таком случае нам надо возвращаться к пантеистам и верить в эволюцию, которая не наблюдается...

В принципе, большинство людей спокойно идут именно этим путем. Сознательно или бессознательно. Это удобно. Вроде, ты и ничего не обязан давать своему мертвому богу, и с возможным Творцом не идешь на прямую конфронтацию. Это вера в мертвого бога – природу, эволюцию или что-то такое. Этот бог не кто-то, а что-то, удовлетворяет он многих, но не всех.

Итак, разумна ли вера в Личного Бога? Да, разумна. Это не значит, будто мы имеем знание о том, что Бог обладает личностными свойствами. Мы не знаем, а верим. Но наша вера в данном случае разумна.

Здесь и далее по ходу не раз возникает такое возражение неверующих людей. Они говорят, что мы свои собственные качества проецируем на Бога, что сам метод нашего суждения: снизу вверх по аналогии, порочен в принципе. Ведь мы о причине судим по ее следствию, а не наоборот. И так поступать некорректно. В итоге мы творим себе совершенно человекообразного Бога. Вроде хватает ума не приписывать Богу хотя бы руки и ноги, но в душевном смысле антропоморфизм получается полный. Наш Бог – это просто идеализированный характер человека. В итоге, не Бог создал нас по своему образу и подобию, а человек создал себе бога по своему подобию. Что можно на это возразить?

Действительно, зная следствие судить по нему о его причине – это некорректно. По крайней мере, делать надо это очень осторожно. Но ведь и наука наша о прошлом постоянно занимается именно этим. Мы имеем следствия – ныне живущие виды растений и животных, ныне лежащие геологические породы, – и по этим следствиям гадаем об их причинах. И по-другому мы просто не можем. Если уж строго следовать этому принципу, то и вся эволюционная теория оказывается столь же некорректной, то есть, не научной.

С другой стороны, для нашей Вселенной ее Творец – причина уникальная и единственная. Вся некорректность в суждении о причине по ее следствию основывается именно на том, что наблюдаемое нами следствие могла вызвать **другая** причина. А вселенная создана по единому общему плану, создана одним разумом. Если так, то причина мира – одна. Мир возник, он не был вечно. Если так, то у Вселенной должна быть причина, причем универсальная, уникальная причина, в которой одной скрыты все частные причины всех явлений и вещей. Таким образом, натяжка в рассуждении от следствия к причине снимается. Если причина **одна**, то по следствию, по характеру следствия, об этой причине судить **можно**.

Итак, если мы мыслим только лично, отделяя я от не я, то и у Первопричины нашего разума тоже должно быть где-то это самое фундаментальное свойство нашего мышления. Иначе, откуда оно взялось в нас самих?

Желательная сторона

Отличая Я от не Я, может ли Творец чего-то хотеть? Это просто Разум – или же разум с желаниями? Существует ли у Бога воля Божия?

Мы верим, что да: Бог хочет, Он ставит цели и их достигает. Опять же, не знаем, но верим. И вот, разумное основание и такой веры.

В творении вселенной масса всяких частных целесообразностей. И деятельность человека полна целесообразностью. Что это означает? Целесообразность подразумевает, что для обеспечения бытия и функционирования какой-то игрушки требуется четкий план и четкое по нему исполнение всех деталей, входящих в игрушку. Возьмите простой амбарный замок, мышеловку, авторучку, часы, компьютер – что угодно. Чтобы механизм работал, все его детали должны быть продуманы и подогнаны для единой общей задачи. Соответственно, если игрушка входит в состав другой игрушки, более высокого порядка на правах сложной детали, (как двигатель в автомобиле), то она, став сама деталью, подчиняется тому же принципу: среди других деталей она должна встать точно на свое место и обеспечить согласованную с другими деталями работу.

И так возникает целая иерархия целей и целесообразностей. Конечная цель одна (автомобиль поедет, а самолет полетит), но все из чего сложная игрушка состоит, все системы, все их узлы, все агрегаты узлов и все детали агрегатов должны быть изначально продуманы сверху вниз, и каждая деталь соответствовать своей цели.

Иерархическая система целей – вот признак наличия целесообразности. Это признак того, что кроме вопроса «почему?» имеет смысл вопрос «зачем?» Это значит, что некий разум ставил цели.

Живой мир, начиная с клетки и кончая всей биосферой в целом, буквально набит иерархическими системами. Детальки в маленьких деталях, маленькие детали в больших и так далее, пока клетка не заработает и не станет отвечать своей цели: клетка питается, дышит, растет, размножается. Принципы Божьего творчества очень похожи на принципы нашего технического творчества, причем именно в отношении целесообразности. Только вместо Единого Божьего разума, у нас коллективный. Генеральный конструктор планирует, допустим, самолет в общем эскизном плане, распределяет места, где должны быть вписаны двигатели, баки, кабина, оружие и так далее. Эти задания раздаются по отделам: такую-то систему с таким-то весом и такими-то параметрами сделать и вписать в такой-то габарит и вес. В системе разрабатываются агрегаты, разрабатываются детали для них. От главной цели мысль движется ко множеству частных идей. Конструкторские идеи иерархичны по самой своей природе.

Но то же самое, точь-в-точь, мы видим и в живой природе. Любая клетка и любой макроорганизм построены точно так же: общий план, в который вписаны системы и органы, обеспечивающие все необходимые функции. Все заточено под общий полет птицы, ее питание, дыхание, репродукцию. Для любого конкретного органа всегда можно указать его функцию в общем проекте: для чего эта кость или это легкое, для чего эти клетки или те. Полно вопросов: зачем? – и есть вполне корректные правильные ответы. Все эти вопросы не являются бессмысленными.

Итак, целесообразность существует.

Если есть целесообразность в разумно устроенной системе, значит, у Конструктора есть желания. Если не бессмыслен вопрос «зачем?», если у него есть внятный и точный ответ, значит, кто-то этого **всего хотел**.

Творец обладает волей. Верить в это вполне разумно. Тут вновь у неверующих возникает возражение об антропоморфизме. Нам говорят: это вы так захотели увидеть цели, а на самом деле целей нет, есть причины. Это только, мол, нам так кажется, потому что мы сами ставим цели, мы привыкли это делать, вот, и судим по себе. А природа лишена любых целей.

Что можно на это ответить?

У людей тоже есть разумная, но бесцельная деятельность. Разумная, но не целесообразная. И ее результатом не являются какие-то более-менее сложные функционирующие системы (изделия, инструменты). Пусть математики меня простят, но в пример такой разумной нецелесообразной деятельности я приведу решение задач по математике, не имеющих физического применения. Найти седьмой или сотый член арифметической прогрессии. Разумная задача? Да, конечно, нужно вспомнить правила, формулы, применить их. Но эта деятельность не целесообразна. Никому не нужно само найденное число. Только побочный эффект – бал в экзаменационной сумме или развитие способностей. Но это – цели побочные. На них не влияет само число, будь ли там семь или сто, не это важно. Важно отгадать верно, применив начатки разума. В итоге такой деятельности не получается никакая функционирующая система.

Тот же расчет по тем же формулам в инженерном деле уже будет иметь прямую целесообразность. Там сечение несущей балки в 300 или 310 квадратных сантиметров – уже огромная разница. Здесь найденное число важно само по себе. Потому что деятельность целесообразна, и расчетный результат в нее входит, как составная часть.

Итак, разумная деятельность целесообразна не всегда. А если она целесообразна, то эта целесообразность объективна. Подчинение мелких деталей и систем целому – это столь же очевидный, наблюдаемый факт, что в живой природе, что в технике. Это не есть плод нашего воображения. Разум, изумительно точно подобравший, как формулы законов природы, так и входящие в них фундаментальные постоянные, явно подобрал это все не случайно, а потому, что поставил какие-то цели для будущего. В результате все просто: мы появились, и сейчас существуем, мы пишем, вы читаете.

Мир целесообразен. Это объективно. Звезды зажглись. Значит, это Кому-нибудь нужно.

Завел часы и ушел

Итак, мы, похоже, нашли Бога сторонним по отношению к природе, разумным и личностным, желающим и умеющим устроить целесообразность. Здесь можно добавить еще и всемогущество Творца, как минимум, относительно своего творения.

Верить во все это вроде бы разумно.

Но что дальше? Человек вокруг себя видит слишком много зла. Человек с телевизором и интернетом видит ежедневно еще больше зла на всей планете. И, как показывает практика, именно зло в мире, начиная от сердитой бабки у церковного порога и кончая всеми мировыми злодеями, и служит главным, основным искушением для веры в библейского Бога. И так сложилось уже очень давно. Древнейшая книга Библии – книга Иова от начала до конца ведет речь именно об этом.

В мире есть переплетение добра и зла. Мы (хотя бы и не всегда правильно) умеем их различать. Добро воспринимаем как должное, не замечаем, (про благодарность лучше и вовсе промолчать), а на зло реагируем болезненно и не всегда адекватно. И над таким-то миром нужно допустить бытие и управление благого, разумного, неотступного Творца? Человеческий разум не спешит здесь покориться, выступает против. В следующих вариантах обвинений к Богу:

- не вполне разумен,
- не добр,
- не один, и даже не главный,
- не управляет.

Все четыре обвинения можно перечеркнуть одним доводом «божественного агностицизма»: **не отчитывается** перед людьми. (Кстати, это главный ответ книги Иова, коль скоро мы ее тут вспомнили). Разум Божий не вмещается в человеческий, поэтому Бог и не может довести до нас все тайны и пути своего действия в мире так, чтобы до нас это дошло. Неизмеримо меньший не может требовать отчета у неизмеримо большего. И хотя к этому доводу не раз прибегали библейские пророки, начиная с книги Иова, и он, разумеется, очевиден и справедлив сам по себе, он все же недостаточен. Ведь цель призыва к вере – примириться с Богом, а не просто, получив от него отказ в объяснении, продолжать терпеть, стиснув зубы.

Поэтому и протесты против Бога следует осмотреть и осмыслить все по одному.

Начнем с последнего из приведенных четырех.

Пока мы говорили только о происхождении мира и пришли к тому, что верить в личностного и разумного Творца – это разумно. Сверх Его творческой деятельности мы пока не продвинулись. Может быть, он завел мировые часы, поставил законы физики, задал константы и граничные условия – и ушел. Отстранился от мира?

Почему мы верим, что это не так?

Первое, что приходит здесь на ум – ссылка на чудеса. Изредка случаются необъяснимые и физически невозможные события, которые, тем не менее, фиксируются современниками. И хотя 99 % сообщений о любых чудесах сомнительны, все же это явление полностью исключить очень сложно. Как минимум, для этого нужно очень большое знание о всех такого рода событиях.

Но чудеса здесь не главное. Есть вещь поважнее. Это наша собственная свобода и непредсказуемость. Во власти человека, по крайней мере, некоторых людей, лежит способность выбирать пути и управлять своими действиями. Пусть, в рамках физических и социальных законов, но мы можем совершать некоторые поступки по своему произволу. Мог бы Наполеон не вторгаться в Египет или в Россию? Мог бы. И история пошла бы немного другим путем.

А раз такое может человек, то почему не может Бог? Откуда наша свобода волевых решений, если план Божий сам закован в кандалы? Дать своей твари свободу произвола и не иметь ее Самому? Разве это не странно?

Конечно, фаталисты имеют возражения. Мол, и Наполеонова свобода была иллюзорна, и он не мог бы поступить иначе. Но здесь есть явная логическая ошибка. Задним числом объявить, что свершившееся должно было свершиться – это некорректно. Ведь сам полководец прежде думает, проводит бессонную ночь в мучительных раздумьях: а не перейти ли Неман? А не сдать ли Москву? Вот в эту ночь этому человеку попробуйте доказать, будто его решение уже решено за него!

Нет, решение принимается человеком и принимается в свой момент времени, оно выбирается из небогатого, но вполне реального набора разных возможностей.

В мире людей все-таки дело обстоит именно так. А если так, то неужели мир отдан на управление от Разумного Бога неразумным тварям? На бесконтрольное управление-растерзание? Можно ли в это поверить?

Поверить можно. Но эта вера не будет разумной. Не будет она и конструктивной. Ведь человеку хочется иметь высокую цель жизни, найти в ней смысл. Вера **смертного человека в Божественную бессмыслицу**, подрубает человеку все крылья. Это извращение мысли, за которым логично должно последовать извращение жизни: тоска, депрессия, самоубийство. А если оно не следует, если человек как-то себя находит, значит не совсем твердо и последовательно верил он в свою «божественную бессмыслицу», не был вполне тверд в своей уверенности, что Бог завел часы и ушел.

Гораздо логичнее поверить, что и люди частично управляют своей жизнью, а над ними есть более высокое, Божие управление. И оно каким-то образом проявляется в человеческом мире.

В принципе древний мир прекрасно знал деистических богов. Луна и солнце – вот два из них. Солнце светит, дает все нужное для жизни, причем всем, от травы до человека. Даже радость подает, показавшись из-за туч. Ну, чем не бог? Тем более что и повредить ему никто из людей не может.

Так думали многие поколения многих народов. И строили солнцу храмы для поклонения. И познавали своего бога, рассчитывая наперед и календарь, и долготу дня, и даже время солнечных затмений.

Но некоторым, наиболее умным людям не нравилось такое поклонение. Заранее полностью предсказуемый бог, который не может сойти с орбиты своего размеренного движения, такой бог подчинен еще кому-то или чему-то. А подчиненный – не Бог. Настоящий истинный Бог должен уметь сделать что-то непредсказуемое. Он не просто управляет миром, Он должен управлять не всегда только по заведенному алгоритму.

Таков был довод и у христианских апологетов, и у одного царя инков (незадолго до пришествия к ним белых завоевателей). У всех, по сути, думающих язычников.

Итак, мы и здесь применили прием рассуждения от следствия к причине. Если мы сами располагаем свободой выбора осмысленных решений, то Причина нашего бытия тоже должна иметь в себе аналогичное свойство. Опять логически не вполне корректное рассуждение, но опять, точно так же, как прежде, единственность Причины снимает эту некорректность. Если причина заведомо одна, то по характеру следствия можно судить об этой причине. Бог – Создатель живой жизни не должен быть мертвым Богом. Он управляет миром. В мире должно ощущаться Его вмешательство, причем такое, которое невозможно заранее предсказать подобно тому, как люди предсказывают солнечные затмения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.